

Рассеянная жизнь

Автор:

[Марта Кетро](#)

Рассеянная жизнь

Марта Кетро

Легенда русского Интернета

В холодной Москве девяностых и в современном жарком Тель-Авиве две женщины живут как во сне, скользят, не задевая реальности. Фасолька встретила главного мужчину своей жизни и перестала видеть остальной мир. Поль переехала в город мечты, который любит больше, чем людей, потому что «мы сами стали теми парнями, за которых в юности хотели выйти замуж». Но нельзя заранее угадать, как поступит с тобой судьба, можно только быть стойкими и любить.

Вся эта книга – сны о прекрасной юности и о любви. Любовь взрослой женщины и юной девушки, любовь к городу и к самой жизни, рассеянной, утекающей сквозь пальцы, бесценной. А юность может случиться в опасное время, но всё равно полна счастья.

Марта Кетро

Рассеянная жизнь

Маленький бумажный самолётик,

Сложенный из листка в клетку, на котором

Я написал заветное своё желанье,

Попал в грозовой фронт над палестинскими
территориями

И сгорел, так и не увидев

Посадочных огней Бен-Гуриона

(Этот свет, маленькую искру,

Видели в полночном небе лётчики израильских ВВС,
лучшие асы в мире,

И засвидетельствовали о том под присягой)...

Рисунок на переплете – Зое Север

© М. Кетро, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1. <Поль>

Секрет добрососедских отношений обитателей последнего дома на улице Аронсон состоял в том, что все они искренне считали друг друга сумасшедшими. Поэтому общались с добродушным смирением, изредка срываясь в шумные свары, но без зла – что с психов возьмёшь.

И вдруг сегодня Поль проснулась оттого, что безобидная, обычно тишайшая Тиква ревела, как медведь: «Шлюююхаааа!»

Кричала, конечно, по-арабски: «Шармута!»

Из дальнейшего скандала стало ясно, что соседский сеттер Рочестер спросонок попытался напасть на какую-то из бесчисленных кошек, которых прикармливала Тиква. С одной стороны, Поль радовалась, что та подбирает несчастных животных, служащих прочим равнодушным гражданам живым укором, но с другой, Тиква была противницей стерилизации. Как-то перехватила Поль на улице и со слезами на глазах рассказала, что пропал её любимец Вася, три дня не было, а потом вернулся нецелый: «Представьте, его поймали и скастрировали!»

- Какое горе, - холодно ответила Поль.

По самым примерным подсчётам во дворе ошивалось уже два десятка кошек и число их неуклонно росло.

И сегодня Рочестер, провожавший в детский сад заспанного Джулиена, не сдержался. Напрасно его хозяйка, очень вежливая американка, бесконечно извинялась – Тиква кричала так, будто кошку порвали на клочки, а потом долго сидела на лавочке во дворе, являя собой воплощённую скорбь: смотрела в одну точку и ни с кем не здоровалась.

У Тиквы был очаровательный русский язык, её привезли в Израиль в три года и с тех пор прошло четыре с лишним десятка лет, но она сохранила довольно чистую, своеобразно окрашенную речь, которая была бы милой, если бы не лёгкое, но очевидное безумие. Поль, про себя называвшая соседку «старушкой», поразились, когда посчитала её годы – Тиква-то ненамного старше неё, а как выглядит. Правда, иногда она находила работу или мужчину и тогда наряжалась, подкрашивала губы, выпускала из тугого пучка кудряшки и отчётливо преображалась, но не столько благодаря невинным ухищрениям, сколько от внутреннего сияния. Некоторая умственная отсталость сообщала Тикве непосредственность, она не стеснялась светиться от счастья, когда подбирала очередного возлюбленного – в последний раз это был бродяга, одеревеневший от пьянства. В начале отношений они устраивали свидания во дворе, парочка подолгу сидела на скамейке, и Тиква щебетала, не смущаясь отсутствию эмоциональной реакции у своего кавалера. Потом сладились, зажили семьёй и начали ходить за покупками в дешёвый супермаркет «всё по пять шекелей». После зимних дождей бомж исчез, а Тиква погасла и перестала распускать волосы – до следующей любви. Её имя означало «Надежда», и Поль

не могла вообразить более правдивого воплощения этого подлого чувства, чем простодушная, доверчивая, безумная седая девочка.

Несмотря на то, что Поль жила на Аронсон больше года, она толком не знала своих соседей. Была семья американцев, чьи голоса раздавались под её окнами с плотными жалюзи, которые она всегда держала полуприкрытыми. Поль запомнила только имена обоих детей и собаки, потому что слышала, как их окликали, но зато ей было известно многое другое. Старший, Джулиен вечно кашлял, и Поль иногда беспокоилась из-за его бронхита. Он говорил с родителями на иврите, но отец отвечал ему на английском – билингва растили, стало быть. Папа шутил, всё время напевал и болтал с детьми сквозь улыбку; голос матери был не очень приятный, какой-то старообразный, но Поль ей многое простила, когда услышала, как она, укладывая младенца в коляску, извинилась перед ним: «Сожалею, Сэмуэль, ты голоден, но...» Больше всего на свете Поль ценила хорошее воспитание, ведь вежливость – это единственное, что люди по-настоящему должны друг другу, – никто не обязан быть тёплым и дружелюбным, но быть вежливыми извольте, это вопрос минимальной гигиены общения.

В этом смысле её совершенно устраивали Тиква и американцы, последние только в теории – она не перебросилась с ними и словечком. Более того, первые полгода она их даже не видела и только представляла, ориентируясь по голосам. Папа наверняка блондинистый высокий клерк в белой рубашке, а мама невзрачная широкозадая брюнетка в очках. В иврите было обидное, но честное словечко «шмануха», от слов «шмена» – жирная, и «намуха» – низенькая, вот такая. Но как-то Поль шла мимо фалафельной возле рынка Кармель, услышала знакомую улыбкувую речь, оглянулась и поняла, что угадала только с очками. Женщина оказалась хоть и маленькой, но стройной, а мужчина невысокий, тёмный, типичный бритый тель-авивец в майке, никакого лоска.

Безымянной осталась и соседка-певица, которая читала рэп и обожала выводить джазовые рулады, страшно фальшивя. При этом умудрялась преподавать вокал, раскрывала голос начинающим исполнителям: что-что, а драть глотку от души она умела. Зато Поль знала имена пожилого наркомана в завязке (Дани), которого навещала сотрудница соцслужбы, и дементной старушки – Ривка. К той приходила чуть более здравая подружка и выкликала во двор, чтобы пособачиться. Сути конфликта Поль не понимала, как, впрочем, и обе его участницы. Ривка иногда что-то кричала Поль из окна, та улыбалась в ответ и шла к себе. В её квартиру вело отдельное крыльцо и контакт с соседями

получался минимальный, был свой маленький дворик, где она расставила цветы и развесила зеркала, подобранные на помойке. Иногда находила горшки перевернутыми и грешила на Дани, у которого бывали приступы агрессии.

Поль осознавала, что и с ней самой не всё ладно, уж слишком её переклинило на одиночестве. Несколько месяцев посещала курсы иврита, но группа подобралась франко- и англоязычная, она ни с кем не сблизилась. В городе было несколько знакомых, большей частью бывших москвичей, переехавших совсем недавно, с некоторыми она раньше общалась только в Сети, по работе, а здесь впервые повидалась. В профессии Поль занимала нишу для «культурных девушек»: анонимно вела аккаунты нескольких маленьких брендов в Инстаграме и Фейсбуке, писала колонки про отношения на женские сайты и сочиняла подростковые романы. Для двух последних работ она имела псевдоним – Полина Грейф, который настолько прижился, что при переезде записала его в израильские документы, сократив имя до Поль. Тётка в аэропорту фыркнула:

– Ладно бы еврейское взяли!

Поль могла бы возразить, что фамилия папеньки – Грейфан, к тому же, английское grief соответствовало её характеру, она всегда была грустной девочкой. Но лишний раз спорить не хотелось: тётка же запретить не могла, документы на новое имя всё равно надо получать в МВД, ну и нечего ей объяснять. Но та не успокаивалась:

– Ну зачем «Поль», вы же не Полина по паспорту? Вы, может, не в курсе, на иврите «поль» – бобы, а ещё это слово «пэй-вав-ламед», читается и «фуль», варёные бобы. Хотите быть варёным бобом? Ну, как знаете.

Поль только улыбалась – она знала. Когда-то давно у неё были особо нежные отношения с одним из бобовых, да...

Дама всё не успокаивалась, и даже город вероятного проживания Поль – Тель-Авив – вызвал её неодобрение.

– Там же дорого, вы не потянете!

- Не беспокойтесь обо мне, я справлюсь.

И тётка махнула рукой. Эти новенькие всегда совершают одни и те же ошибки, никого не слушают, но свой ум не вложишь, невозможно прожить за человека его жизнь. Тем более, перед ней, скорее всего, очередная охотница за страховой медициной и синим израильским паспортом, из тех, что отсиживают в стране положенные полгода и возвращаются обратно, чтобы кататься по европам без визы, а потом вспоминают о гражданстве только когда по здоровью припрёт. Отменить бы тот закон о возвращении, по которому в страну тащат кого попало, основываясь на четвертушке еврейской крови... Но раздражение быстро погасло - да ладно, пусть живёт, может, будет ей мазаль[1 - Мазаль - счастье, везение, судьба.], мужа найдёт, а то ведь одиночка. А тут и деток нарожает, хоть и возраст критический, но врачи у нас хорошие. На вид-то ей чуть за тридцать, своих не дашь - они там, в России, все помешаны на уколах всяких, ботоксах, молодятся. Чего боятся, чего так от времени прячутся, не понять...

Но раздумывать о судьбе упрямой бабёнки было некогда, на её месте уже сидел новый испуганный репатриант, ошалевший от перемен, происходящих в судьбе.

А Поль может и не знала, как оно лучше, но зато чётко представляла, чего хочет. Она хотела и это имя, и этот город, и ровно такую жизнь, как выбрала. В прежние времена стала бы оправдываться, объяснять что-то, налаживать отношения с соседями, вживаться в «настоящий Израиль», а не в собственный полупридуманый сновидческий Тель-Авив, который однажды окинула близоруким взглядом, досочинила то, чего не разглядела, и полюбила навсегда. Но той удобной девочки давно и следа не осталось, а нынешняя женщина хоть и не очень приятная, зато решительная и жизнью своей управляет сама, как умеет.

Поль нравилось вспоминать, как начиналась эта любовь, единственная, которая ей удалась - у неё были отношения несимметричные, когда один из пары только позволял себя любить. Случались и вполне взаимные, но вместе остаться не удалось, и даже в обоюдном дружелюбном равнодушии получилось пожить. Но вот так, чтобы душа в душу и вместе, - такое впервые. В любви этого города она не сомневалась, здесь ей слишком везло. Например, с жильём - приезжая туристкой, умудрялась не слишком дорого селиться в самых лучших районах, а когда переехала окончательно, удача не изменила, и ей досталась крошечная квартирка в прелестном квартале Керем а-Тейманим. Пристройка, где она

располагалась, предназначалась под снос, но никто не знал точных сроков, и хозяйка предложила договор без гарантий, пока на полгода, а потом как пойдёт, зато гораздо дешевле обычного в этом районе. Раньше здесь жила почтенная матушка большого йеменского семейства, но, как деликатно выразилась её дочь Гала: «Этим летом она перестала нас радовать». «Остаётся надеяться, что они её не усыпили», – подумала Поль.

Но поначалу она не сомневалась, что эта любовь станет несчастливой, как и все прочие. Потому что никакой эмиграции ей не светило, породой не вышла, мама была безнадёжно рус-ской, разве что с четвертинкой цыганской крови, отца она не знала. Он дезертировал с семейного фронта, когда ей было три, и мама раз и навсегда вычеркнула его из жизни, даже фамилию дочери поменяла и на вопросы отвечать отказывалась. Чуть что – в крик: «Не хочу про этого подлеца говорить, не мотай мне нервы». О том, что он какой-то непонятный Грейфан, Поль узнала случайно, уже будучи взрослой, и тут же выкинула это из головы. И только когда придумывала себе очередной сетевой псевдоним, фамилия всплыла в памяти, но Поль не связала её с какой-либо национальностью: прикольно звучит, и ладно. Главное, маме не проболтаться, чтобы не обиделась.

И теперь Поль приготовилась к печальному роману, который будет раз за разом разбивать её сердце и опустошать кошелёк. Тель-Авив – до смешного дорогой город, в рейтингах его опережают только всякие там Цюрихи и Парижи, но про них-то понятно, а вот почему обшарпанный южный городишко, счастливая смесь Ближнего Востока, Европы и российской Ялты уверенно стоит в первой десятке, – загадка. Нет, экономические причины тому существуют, но кто в здравом уме согласится платить за крошечную студию на окраине, как за уютную двушку в центре Берлина? А за обычную еду в безликой кафешке, как в московском ресторане с авторской кухней? Но таких ненормальных нашлось множество, и Поль с изумлением обнаружила себя в их числе.

С впечатлительными интеллигентами, где бы они ни родились, случается, что человек внезапно влюбляется в чужую страну, начинает носить местную одежду, с головой ныряет в изучение культуры, усердно постигая тонкости, очевидные для любого аборигена с младенчества, и не помнит себя от счастья, если кто-нибудь говорит: «О, да ты стал совсем как...» Неважно, как израильтянин, как русский, ирландец, маори или японец. Со стороны он, конечно, выглядит, африканцем в кокошнике, играющем на балалайке «калинку-малинку», но сердце его ликует.

Поль для глубокого погружения не хватало ни усидчивости, ни впечатлительности, она не ощущала неожиданной близости и не слышала голоса крови, о которой тогда и не подозревала. Это была чистой воды бессмысленная влюблённость в чувака, который тебе не светит.

А началось всё однажды весной в Иерусалиме. В конце февраля она въехала в этот город с раненым сердцем и мигренью, а в начале марта уезжала с ясной головой, но совершенно очарованная. Город вне времени, из нежного белого камня, золотистого по утрам и розоватого на закате; говорящий на непонятных языках, но очевидными знаками; пропитанный тысячелетней верой нескольких религий и беспамятной сиюминутной прелестью. Местные страшно важничают, рассказывая о том, какой Иерусалим своенравный, кого-то может невзлюбить или вовсе не впустить: известна история о еврейском филантропе, который физически не мог въехать в благословенную столицу, так и жертвовал всю жизнь миллионы из-за бугра. В самом деле, многие жалуются на гнетущее впечатление и безотчётную тревогу, накрывающую на здешних улицах, а в Старый город не стоит соваться под психоделиками, иначе бэд-трип гарантирован.

И потому Поль прислушивалась к себе с некоторым беспокойством, но в первые же минуты почувствовала необъяснимое веселье, пузырьки счастья в груди, газированную радость, которая не думала угасать ни на Виа Долорез, ни в храме Гроба, ни даже у Стены Плача. Как будто ей доподлинно сообщили, что смерти нет и всё почти можно. Пожелай, хорошенько сформулируй и напиши записку, поставь свечку, брось монетку – соверши любой ритуал, который тебе симпатичен, – и сбудется многое. Поль честно поискала своё настоящее желание и поняла, что как ни глупо это звучит для женщины её лет, но да – любви, счастливой и воплотившейся.

Неделя в городе пролетела, как медовый месяц, то есть очень быстро, и всё же медленней, чем обычные семь дней, потому что была наполнена до краёв.

А уезжать она решила через Тель-Авив – туда можно добраться на автобусе, посмотреть на море, а потом до аэропорта на электричке, выходило дёшево. Знающие люди посоветовали ехать до вокзала на севере, оттуда спускаться в порт, идти к югу, сколько душа пожелает, а дальше взять такси, сказать

волшебные слова: «аХагана стэйшен» и платить по счётчику, а то обдерут.

У Поль с собой только ручная кладь, лёгкий чемодан на колёсиках – много ли надо на неделю, когда существуют кашемир, шёлк и курточки «юникло». И вот она уже идёт в любимых уродливых штанах-афгани по набережной, застеленной палубной доской, слушает шелест моря, ссору влюблённой парочки, перезвон яхтенного такелажа; смотрит на сизые волны, которые дотягиваются до неё тяжёлыми каплями, дышит солью и ветром.

Ничего толком не знает: где конкретно находится, какая это часть города, всё ли в нём такое и всегда ли? Этот Тель-Авив был пасмурным и чистым, другого могло и не случиться, и тогда он остался бы для неё городом чаячьих французских криков, деревянных настилов и холодного ветра. С мужчинами у неё иначе, с первого взгляда ясно, сварит он ей кофе с утра или так и останется посторонним. А тут ничто не предвещало отношений, было только понимание, что не про её честь вся эта иностранная жизнь, ведь не бывает более неприсвоаемых вещей, чем города у моря, отделённые многими границами, большими деньгами, иноязычием и законами о пребывании. Да и вообще, с какой стати.

Поль тогда вернулась в Москву, погрузилась в работу, но всё не могла выбросить из головы ни небесный город, сложенный из белого камня, ни короткую прогулку вдоль моря, ни голос девицы, бесстыдно и горестно орущей любовнику: «Мёрд!» И к осени, когда встал вопрос о том, где скоротать ноябрь, её израильская сетевая знакомая спросила у себя на страничке, не хочет ли кто пожить в Тель-Авиве пару недель за умеренную плату. Поль хотела. Взяла билеты, прилетела и тут же с порога начала жить. Не было туристической отчуждённости и страха заблудиться, потерять деньги, нарушить неизвестные правила и влипнуть в неприятности. Она признала Тель-Авив как безусловно родной город – в том смысле, который вкладываешь в это слово, когда оно возвращается к тебе очищенным от жлобских смыслов. Так-то всё начинается с шансонных интонаций: «ну, здравствуй, мама родная», «привет, роднуля», «дай копеечку, родненький», и «родная жена не узнала его, проходя мимо нищего старца». Или с патетики: «мой самый родной человек!» – тревожащей душным бесцеремонным напором. Но когда раздражающие ассоциации отшелушиваются, остаётся единственно подходящее слово, чтобы обозначить спокойную, чуть безвыходную близость. Куда я от тебя, куда ты без меня? – да уж найдём, куда. Но всякая перемена будет означать прежде всего не новую жизнь, а то, что я теперь не с тобой, а ты не со мной. И с этим городом очень быстро выстроилась

такая связь, что для Поль время разделилось на две неравные части, когда она в Тель-Авиве, и когда нет. А ведь говорили ей друзья: «Сочиняя записку в Стену Плача, указывай марку велосипеда». В том смысле, что нужно быть предельно точной в деталях, и просить взаимной любви с мужчиной, а не вообще. Вот и выпал ей возлюбленный город, теперь живи как знаешь. А Поль знала, у неё уже такое было, когда смотришь и понимаешь: с этим человеком (и с этим городом) тебе не жить. Но пока вы вместе, в воздухе стоит льдистый весенний звон, который получается, если радость заморозить отчаянием, а потом подбросить вверх. И всё время, пока она падает, светясь на солнце, и осыпает тебя с головы до ног, ты абсолютно счастлива.

После окончательного переезда Поль иногда пыталась возродить для себя ощущения тех первых туристических дней, когда Тель-Авив ещё не стал для неё единым живым организмом, а состоял из нескольких известных локаций. Для этого следовало посмотреть на него чуть со стороны, например, с волнореза на Буграшов. Там всегда стоит холодный белый стул для рыбака и в шабат бывает относительно тихо. Если сесть спиной к морю, лицом к городу, можно снова увидеть его глазами первых свиданий.

Таинственный винный в начале Алленби. От своей первой квартиры Поль ходила до него необычайно долго, уже отчаивалась и думала, что, скорее всего, привиделась лавочка, но вроде после всех этих Геул и Хесс где-то справа. Или нет, или да, и где я вообще? А-а, вот. Вся стена в бутылках и внизу обычно стоит странный чёрный абсент, которого Поль больше нигде не встречала, на стекле выступают купола, наверное, иерусалимский. Огня и магии в нём было больше, чем во многих чешских и французских сортах, кастрированных в пользу европейских законов. Однажды решила купить его перед отъездом, чтобы взять с собой и тосковать в снегах, и всё испортила: рассмотрела этикетку, а там мытищинский винзавод, ООО «Родник», «слушайте ваши „Валенки“», как в анекдоте.

Или Кинг Джордж, на которую Поль прибегала первым делом, сразу после самолёта, только въехав в съёмную квартиру и переодевшись. Какая невыносимая экзотика была в её смуглых прохожих, облезлых фасадах, в ярких цветных пятнах витрин. Поль купила там лёгкие серые туфельки, сделанные из вечерних сумерек и дермантина, они были билетом в тель-авивское здесь и сейчас. Казалось, иначе ткань реальности ускользнёт из-под ног, но стоит их обуть, как дорога примет тебя и понесёт сама.

Или яхтенная стоянка на севере, к которой можно приблизиться по узкому мостику, лечь у воды, где припаркован черный полицейский катер, услышать тихий звон такелажа, посмотреть на огни и осознать, что всё-таки прилетела.

Рынок, на котором знакомые лавочки исчезали, а потом внезапно находились на тех же местах. Единственный обитатель Кармеля, никогда никуда не пропадающий, – это продавец кнафе на перекрёстке с Рамбамом, остальные позволяли себе небрежение к привычной картине мира. Хоп, и нет никакой лавочки с пряностями на этом месте. Хоп, и снова на прилавке стоят ящики с имбирём, палочками корицы, розовыми лепестками, жгучим перцем и затаром, и как можно было не заметить, дважды пройдя туда-сюда?

Поль не помнила, как и когда появилась площадь Бялик, кто-то показал или сама нашла. Просто в один миг она образовалась на карте, в её сердце, в жизни, прелестная, как второй акт «Жизели», а вокруг неё уже начал отстраиваться остальной город, теперь не чужой. На неё Поль пришла и поселилась, а не в Керем а-Тейманим, где однажды захотела пожить и в самом деле теперь жила. Но именно в кувшинках возле старой мэрии завязалось первое ощущение родственности места, и потихоньку начало распространяться по улицам, как запах чубушника и франжипани, стекающий по Идельсон к морю.

Именно для этого приходила Поль на буграшовский волнорез – посмотреть на город глазами чужака, не знающего, что в этой кафешке с красной подсветкой раньше давали самый честный лонг-айленд на берегу, а теперь только лемонану. Что пальмы, похожие сейчас на обгоревшие спички, высадили недавно, и они почти прижились, но летом не вынесли жары. И что набережную скоро перестроят. Понятный город сливался в облако огней, морских запахов и женских голосов, и лишь после этого Поль возвращалась. Бесшумно шла по бетонному покрытию, перебиралась на поскрипывающую деревянную лестницу, чтобы звук её шагов тоже стал частью городского саундтрека, вместе с шелестом машин, дыханием моря, холодным ветром и чаячьими французскими криками.

Итак, Поль выбрала для жизни Тель-Авив, несмотря на первую очарованность Иерусалимом. Столица была прекрасна, но сердце её предпочло себе иной дом.

Дама из аэропорта всё-таки сумела встревожить, но не так, как ожидалось – смутила настойчивость. Неужели Польша хрестоматийно перепутала туризм с эмиграцией? Она с глубоким отвращением относилась к кухонному фатализму, согласно которому «Израиль/Мироздание/Судьба» дают человеку именно то, чего он ждёт, надо только захотеть и прочее – вряд ли кто-то выбирает быть голодным, больным и несчастным, откуда же они тогда берутся? Но первые встречи с Израилем отчасти подтверждали эту теорию: те, кто искал «тепла», получали заботливых русскоязычных тётушек с непрошеными советами, рыночных продавцов, делающих маленькие подарки, и просто много внимания от милых улыбчивых людей. Ищущие секса неизменно его находили и потом неудержимо хвастались или таинственно молчали, когда речь заходила об израильских мужчинах. Польша же хотела одиночества и свободы, и в Тель-Авиве обрела именно то, в чём нуждалась. Она могла целыми днями бродить по городу, ни с кем не заговаривая, выглядеть как угодно, разгуливая в пижаме или в красном платье – Польша двигалась сквозь толпу, как призрак среди живых, наслаждаясь впечатлениями и ощущениями. Ей даже не требовалось разговаривать, туристу для общения нужна только кредитная карточка и улыбка, и она делала вид, что не понимает по-английски больше, чем необходимо для прочтения меню.

Но вот переехала и первый же контакт в аэропорту показал, что напористых тётушек не избежать, ведь она теперь перешла в категорию тех, кому многое нужно от системы – документы, медстраховка, языковые курсы, финансовая помощь, счёт в банке, номер телефона. Не для того она в юности сбежала на вольные хлеба из маленького городка, где существовало некое «общественное мнение» – соседские кумушки, родственники, коллеги, под которых нужно подстраиваться. И теперь она отчаянно надеялась, что здесь сумеет проскользнуть мимо сетей социума и остаться свободной и невидимой.

Время показало, что у неё получилось, никто не стоял между нею и городом, она умудрялась фотографировать самые людные улицы так, что в кадр не попадало ни одного человека. Шла в толпе и смотрела поверх голов, видела дома и деревья, знала, как меняется освещение любимых стен в разное время дня и года. Помнила имена соседских собак, но не помнила их хозяев.

Как и положено, её выбор принёс свои последствия. Для неё не было и не могло быть здесь работы, потому что она не хотела ни с кем разговаривать, а значит, не могла выучить язык. Всё, почерпнутое на пятимесячных курсах, без практики благополучно вылетело из головы, и она привыкла любить город без голоса.

Звуки – да, остались, но речь города состоит из уличных разговоров, которые звенят в течение дня рядом с каждым из нас, донося отдельные словечки, настроения, мимолётные сценки. Она же не понимала ничего из того, что слышала, и существовала среди гудения машин и кондиционеров, птичьих криков, музыки, песен, завывания ветра, шума моря, смеха и, да, болтовни, которая для неё приравнивалась к щебету.

Израильтяне – настоящие живые люди, которых Польша наблюдала в Тель-Авиве, – совершенно не соответствовали распространённым представлениям о евреях, штампам, принятым во всём мире. В России первой ассоциацией были ушлые выжиги с карикатур о сионистской угрозе – носы, лысины, животы, пейсы. А если худые, то хлипкие «еврейчики» на кабинетных должностях, пусть даже учителя и врачи – если не при деньгах, то при связях. Громогласные тётки, не выпускающие из толстых рук, униженных золотом, своих слабохарактерных сыновей. Простецкие тётки Сони и Розочки из анекдотов, говорящие на чудовищном одесском суржике. Для более интеллигентной публики существовал вуди-алленовский персонаж: тощий немолодой невротик, рефлексирующий, имеющий маленькие извращения и авторитарную мамашу. «Евреи умные», – говорили о них, имея в виду несколько презираемый ум приспособленца или книжного червя.

Когда Польша впервые приехала в Израиль, она, конечно, не ожидала увидеть улицы, полные вуди алленов и тётки Сонь, но, чтобы не встретить их совсем?! Нет, если поехать в правильные места, можно отыскать кого угодно, но тот Тель-Авив, который она выбрала для себя, совсем другой. Интеллигентная, немного снобская публика на севере, хипстеры на юге, творческая тусовка в центре. «Аристократия» Нева Цедека, района, любимого туристами – там, конечно, можно не владеть ивритом, но, если при этом не знаешь парочки европейских языков, бровь местного жителя снисходительно приподнимается. В Керем а-Теймане, кварталчике возле рынка, неуловимо напоминающем о Барселоне, живут выходцы из Йемена, ближневосточные евреи, совсем непохожие на ашкеназов. А ещё есть эфиопские и марокканские евреи, принесшие с собой собственные традиции. Религиозные и светские, геи и натуралы, темнокожие и белые, бесконечно образованные и едва осилившие школу, сабры, рождённые в Израиле, и репатрианты – всё это евреи, которых невозможно причесать одной гребёнкой и найти среди них эталонных, правильных. Конечно, в Израиле есть и более однородные города, но Польша привязалась к Тель-Авиву именно потому, что там любая инакость незаметна на общем пёстром фоне. Она не искала своих, таких всё равно не существовало, и не потому, что Польша какая-то уникальная женщина. Просто она давным-давно выбрала не иметь своих, не соединяться со

средой, где бы ни жила, скользить, не погружаясь, и быть незаметной, как серый городской кот. Не то, чтобы ей не хотелось тепла и близости, но опыт показал, что она этого не умеет. В ней то ли однажды что-то поломалось, то ли, наоборот, отросло нечто, отделившее её от мира прозрачным экраном. И что в Москве, что в Тель-Авиве, Майями или Флоренции, Рязани или Будапеште – везде она чувствовала себя посторонней на уровне органики. Но в Тель-Авиве ей больше нравилось.

На рынке она покупала хлеб у одного-единственного продавца в центре длинного торгового ряда. В его лавочке на цепях висят старые медные подносы с выпечкой, на прилавке лежит хлеб из темноватой муки с красным перцем, обваленный в тыквенных семечках – твёрдая коричневая корочка и воздушная мякушка. Поль никогда не могла дотерпеть до дома, и, хотя ненавидела есть на ходу, обязательно отламывала кусочек, едва отойдя от прилавка. Сыром торгует парень, говорящий по-русски, зовут его Стас, он здоровается с каждым покупателем так, будто знает его сто лет, и уже со второго визита советовал: «Возьми в этот раз козий камамбер», а с четвёртого перестал пытаться и взвешивает ей «как обычно», из коровьего молока. В соседней эколавочке продают травяные чаи, а в самом конце ряда весёлые эфиопы предлагают свеженькую нану и луизу – ничего пикантного, всего лишь мяту и вербену, но как звучит! Параллельно идёт мясной ряд, там вместо асфальта между прилавков лежит красное покрытие, «это чтобы не видно было кровь», мило улыбалась Поль, сопровождая потрясённых туристов. Теперь, живя в Тель-Авиве, она встречалась с московскими друзьями чаще, чем в России – все приезжающие в отпуск старались написать ей и пересечься хотя бы за чашечкой кофе. Было какое-то особенное очарование в том, чтобы сидеть под чужим южным небом и видеть перед собой физиономию из другой жизни.

Поль вспомнила, как её однажды накрыло такое же совмещение реальности. Тогда она была ещё гостьей, но уже имела в виду переезд, и потому решила проверить, каково в Тель-Авиве в самую макушку июля, когда в тени чуть за тридцать, а на солнце все сорок. Набрала с собой невесомых вещей, но почти ничего из московского летнего не годилось для здешнего расплавленного воздуха. Удобнее всего оказалась юбка, прожившая на тот момент больше десяти лет, из тонкой ткани с ярким цветочным рисунком, с безразмерным поясом и потому подходящая к повзрослевшей талии. Полотнище юбки потихоньку начало ветшать и рваться, но краски не потускнели.

И однажды, когда Поль шла в этих обносках с рынка, с дерева на неё медленно спланировал цветок франжипани, белая звёздочка с желтой серединкой, гавайская красотка, прижившаяся в Тель-Авиве. Она задела подол, и Поль вдруг поняла, что абстрактные цветочки на ткани, это именно она, франжипани, а конкретно – плюмерия тупая (ничего личного, *Plumeria obtusa*). И Поль на всякий случай прислонилась к выбеленной стене, потому что это же какой-то бред кислотный: орнамент перестаёт быть плоским, выдёргивает тебя из прохладной северной юности в субтропическую зрелость и швыряет прямо посреди дороги под солнце, какого ты в жизни не видала.

В детстве она накрепко запомнила, что розовый Париж, сказочный Восток и бескрайний Нью-Йорк, конечно, существуют, но не для неё. Невозможность, которую даже хотеть глупо, и она не хотела. И когда выросла, путешествовала меньше, чем люди её круга – не только из-за аэрофобии, но и потому, что в глубине души не слишком верила во всякую экзотику. И вдруг она сейчас в этом квартале, несёт в правой руке стакан рыжего сока, который белокожий апельсиновый мальчик выжимает дешевле, чем все прочие; а в левой у неё пакет с горячими булочками, неприветливый колючий сабра даёт их три на десять. Идёт себе в дырявой цветастой одежде, и могла ли она десять или двадцать лет назад предположить всё это? Не могла, да и не хотела ничего такого для себя, ей тогда нужно было только любви, от того или от этого, всех имён уже не вспомнить.

* * *

На вечер Поль имела большие планы, поэтому сосредоточилась на выборе одежды.

Несмотря на тесноту, в квартире была гардеробная – небольшой закуток с кронштейном от стены до стены и шкафчиком, куда помещалась обувь и бельё, а тряпки не по сезону хранились в двух чемоданах. Поль сгребла с вешалок ворох вещей и разложила на кровати. Из очевидно подходящего имелось пышное платье в деликатных черепахах и розочках, купленное в гамбургском секс-шопе, но сшитое почтенной британской фирмой, которая обслуживает лондонских фриков. Камзол, корсет, тельняшка и широкие чёрные штаны. Типичный продукт Desigual – нехитро скроенное платье до пят, на задку стеклярусом вышита приветливая японка. И по мелочи: широкие пояса, заячьи ушки, радужное боа, синтетические парики. Стоило дожить до сидящих корней, чтобы узнать, что

розовое каре тебе к лицу. На ближайшую неделю эта самая актуальная одежда для Тель-Авива – в город вошёл Пурим, милый дурацкий праздник, более всего похожий на венецианский карнавал, насколько вообще восточный приморский городок мог скопировать пышную европейскую традицию.

Дети ходили в школу в костюмах, взрослые не отставали, хотя в среднем почти ничего особенного – чаще всего мужчины наряжались женщинами, а приличные женщины шлюхами. Кем наряжались шлюхи, Поль не знала, но по обилию монашек обоего пола кое-что подозревала.

На улицах бродило много ангелов, индейцев и пиратов, но в главные дни больших гуляний встречались истинные шедевры. Костюм использованной прокладки и муниципального велосипеда; член со сперматозоидами (отличное решение для папы с двумя детьми) и девочка-Иисус с мужем, видимо, Иудой, потому что свой огромный крест она волокла на плечах сама; целый выводок балетных лебедей с длинными волосатыми ногами – решение банальное, но всегда неотразимое, тель-авивские мужчины чем обнажённее, тем прекраснее.

Был вечер, когда бульвар Ротшильд заполняли мертвецы, сошедшиеся на зомби-парад, и тогда преобладал сложный грим, кровь, язвы, убитые солдаты, скелеты и ведьмы. Для вечеринок в клубах люди придумывали красивые и дорогие наряды, а на каждый день годились мелочи – нелепая шляпа, полумаска, яркая помада и несколько стразиков на щеке. В сущности, по городу и без того круглый год разгуливают трансы на двенадцатисантиметровых платформах, фреки – красотки, наряженные в духе сочинской набережной, фрики, живописные нищие и безумцы, просто в Пурим концентрация их увеличивается в разы. Поль и сама предпочитала в повседневной жизни стиль, определяемый ею как кислотный бохо – вроде бы и ткани экологичные, и крой весьма женственный, но непременно общую рустикальную благость разбавит нарочито агрессивная деталь кричащего цвета, браслет с шипами или ещё что неуместное, напрочь разрушающее сложившийся было образ. Хорошим вкусом она похвастать не могла, но умела сломать гармонию так, чтобы при случайном взгляде осталось недоумение: что это было? Наверное, показалось. В конце концов, у всех свои ролевые модели, а Поль хотела выглядеть галлюцинацией.

Но на Пурим любой оригинал всего лишь сливается с яркой толпой; сегодня они с Машенькой собрались в клуб возле Ротшильда, так что нужно просто миленькое, а значит, платье с японкой, полукорсет и контрастный макияж.

Машенька, на взгляд Поль, была поразительной красавицей: белокурые волосы, большие светлые глаза, черты, напоминающие о польских актрисах прошлого века, и типичная московская тревожность, порождающая чуткую настороженность к миру. Впрочем, за те полгода, что она прожила в Тель-Авиве, тревожность заметно снизилась, превратившись в энергию – Машеньке не на кого рассчитывать, нет времени на рефлексю. Она, как и Поль, была взрослой одиночкой без семьи, творческим фрилансером из тех, что между кризисами плодились на тучных полях глянца, кормились возле кино и литературы. Когда же наступал экономический спад, большая часть таких девочек исчезала – возвращалась под крыло родителей или мужей, находила работу в офисе. Самые стойкие же садились на вынужденные диеты, переезжали на окраины, забывали о путешествиях и шопинге, но оставались в профессии. На памяти Поль сейчас был примерно четвёртый кризис, снова разрушивший старые рабочие связи и уничтоживший две трети доходов. Каждый раз она клялась себе, что уж следующий-то встретит с хорошей подушкой безопасности, но не накапливала ничего, кроме очередной жировой прослойки. Разве что к переезду в Тель-Авив удалось отложить денег на полгода, но и рубль в этот раз грохнулся так, что работы не осталось вообще. Машенька была таким же храбрым и безумным бойцом глянцевого фронта, но кроме прочего умела писать сценарии и потому смотрела в будущее со сдержанным ужасом, а не как все прочие работники индустрии – с ужасом кромешным. Тем более сейчас, когда на улицах танцует, орёт и пьянствует Пурим, праздник красной помады, смешных шляпок и флирта. Девочки нарядились и готовы к приключениям!

Хотя Поль не готова, её последний московский роман был столь уныл, что мысль снова ввязаться в отношения вызывала тоску. Как выйти на бесцельную прогулку в хмурую ноябрьскую слякоть – зачем, если это не срочно.

И вот они с Машенькой шли по Алленби сквозь разноцветную толпу и сплетничали:

– Если верить нашей Оленьке, то мужчины укладываются штабелями каждый раз, когда она выходит за порог... – Подруги на днях встречались с очередной московской туристкой и были полны впечатлений.

– Ну, девка она и правда видная... – Поль уже вошла в тот возраст, когда женщине нельзя говорить дурно о молодых девушках, какими бы неумными и неприятными они ни были, это старит. Или не говорить об этом в первых фразах. Хотя бы говорить с дружелюбным выражением лица.

– А мужики в Израиле неразборчивые!

– Бывают исключения. Вон Ленок исхитрилась уехать, не отдохнув. Все были изумлены, как ей это удалось. В Эйлате!

– Видимо, у неё был такой отчаявшийся вид, что даже тамошних жеребцов проняло.

– Мы злые, – огорчённо констатировала Польш.

– Злые! Давай про доброе что-нибудь, – Машенька заметно сосредоточилась, но сходу ничего придумать не смогла.

– Эээ... Олененка к тому же ужасно умная, помнишь, как она объясняла тебе про договор с нанимателем? По полочкам! – нашлась Польш.

– Да, прям заслушаешься. Аж на минутку забыла, что я юрист по первому образованию. Может, ты не в курсе, но она несла немыслимую фигню.

– Как жаль, таким экспертным тоном! ...Вообще, стоит признать, что на меня и правда никто не смотрит.

– Нет же, вон парень тебе улыбнулся. Ты близорукая просто.

– Да это арабский дворник какой-то, несчитово!

В этот момент юноши, идущие навстречу, крикнули им: «Добрый вечер, девчонки!»

– Видишь!

– Да они пьяные, ты почувствовала запах? И вообще, это они тебе.

– Знаешь, на тебя не угодишь, – печально ответила Машенька. – Пойдём уже напьемся сока и будем танцевать на столах.

И они свернули в переулок, а потом спустились в клуб. Двери открывали в восемь – и сейчас, в начале девятого, толпы ещё не набежало, они без проблем заказали у недовольного бармена-транса манговый сок, пиво и нашли свободный столик. Странно организованное пространство было некрасивым, неудобным и очень модным. Поль однажды слушала здесь милую рок-группу – мальчишки трогательно изображали суровый гранж, а сами-то чистенькие и здоровенькие, как переодетые скауты. А сейчас клуб медленно заполнялся, Поль с любопытством разглядывала посетителей и делилась впечатлениями с Машенькой:

– Удивительно осознавать, что каждый человек в этом зале моложе тебя лет на десять... А какая всё-таки величайшая тель-авивская несправедливость, что как ни остановится на ком глаз, так обязательно гей. Вот эти мальчишки, например, – она указала подбородком на парочку красавцев, щебечущих у стены.

Но не успела развить мысль, как именно эти два парня уселись за их стол и начали знакомиться. Поль не хотела разговаривать и по привычке прикинулась, что не понимает английского, оставив диалог на Машеньку. Имён не расслышала, но вдруг поняла, что один из них, блондинчик, точно такой, как надо. Восхитительного возраста (на тридцатник может выглядеть только с большого похмелья), выше среднего, мускулистый, челюсть тяжёлая, взгляд коровий, притом программист и белый парик ему ужасно идёт. Поль старалась на него не тарачиться, рассматривала прибывающий народ, но постепенно расслабилась и случайно заглянула ему в глаза. И тут же подумала о трёх вещах сразу:

«Не-не-не, домой нельзя тащить, четвёртый день Пурима, бардак и всюду платья раскиданы».

«А туалет здесь чистенький и унисекс, если что, и саундтрек там приятный, кабинки, опять же, запираются».

И...

«БЕЖАААТЬ!!!»

Потому что впервые за год, с тех пор, как рассталась с Нико, ей кто-то понравился, да ещё так сильно, что хоть сейчас хватай и тащи. Она же его

толком не рассмотрела – блондинистый парик с длинной чёлкой, пряди падают на щёки и закрывают пол-лица, голос еле разобрала в грохоте, даже имя не расслышала, но... Но это опять, как и всю её жизнь, было чистое и однозначное притяжение, по которому Поль узнавала своих мужчин. Такое сильное, что не оставляло времени для флирта, приглядывания и сомнений. Надо сказать, чутьё не ошибалось, у неё не было одноразовых связей, стремительный случайный секс всегда перерастал в отношения. Счастливые или нет, другой вопрос, но в смысле тела то первое влечение никогда не подводило. Это её мальчик, и прикосновение сразу же опалит огнём обоих, лишит рассудка и вовлечёт в знакомый вихрь, несущий любовников напрямик во второй круг ада, но когда и кого это останавливало?

Вот только Поль уже не та лёгкая девочка, которую страсть могла сорвать в любой момент и с любого места, выдернуть из долгих, но скучных отношений, заставить забыть обо всём. И дело даже не в возрасте, ведь женщине, подхваченной этим вихрем, не бывает больше семнадцати, опыт слетает с неё, как шёлковый шарф на сквозняке, возраст спадает вместе с одеждой. Но в этот раз Поль испугалась, потому что помнила усталость от присутствия мужчины в жизни. Не боль, но тоскливую тяжесть, которую вносил сложный взрослый человек, обременённый страхами и комплексами. Она не могла с этим справиться, когда чувствовала себя семнадцатилетней, а если пыталась вернуться к сильной и опытной Поль, исчезала страсть, ветер угасал, и двум не слишком молодым усталым людям становилось душно.

И потому Поль сделала каменное лицо, наглухо замолчала, уставилась в сторону, а как только парни отошли за выпивкой, сбежала. Машенька, добрая душа, из солидарности ушла вместе с ней и потом потрясенно расспрашивала, что это было. Ответ «он мне понравился» ничего не объяснил, она ни разу не видела столь яркого и самобытного проявления женского интереса. Поль и сама огорчилась. Одно дело – понятная осторожность, а другое – откровенная паника при взгляде на красавчика.

– Не поверишь, – сказала психологически подкованная Машенька, – но так выглядят незаконченные отношения.

– Да ладно, я больше года свободна, откуда?

– Помнишь, ты говорила, что Нико из тебя всю кровь выпил?

– Да, это было тяжело, но не так чтобы В-пять ранил, С-пять убил. Я давно забыла, глупая история. – Польша не желала присваивать какую-то особую значимость мужчинам, которые её не полюбили.

– Длинной в два года.

– Но, когда неудачный мужик мешал новому роману?

– А вот! Пока не закроешь для себя обиду...

– Да я особо и не... Ну то есть я теперь ещё и идиотка, а не просто социопоб. Хорошо, спасибо за версию.

* * *

Та странная связь протекала между двумя городами, Польша жила в Москве, а он в полутора часах езды по Горьковскому, в Ногинске. Собственно, они и познакомились в электричке, зимой, когда Польша навещала маму, а он возвращался от очередной женщины, которая «опять сломалась». Его отношения обычно развивались по одному сценарию – увлеклись, переспали, было хорошо, но подружка начала давить, давить, давить и передавливала. Иногда в дело вмешивалась ревность, он и сам был недоверчив, и женщинам своим часто давал повод. А ещё они зачем-то хотели его изменить, сделать более ручным, комфортным, трезвым (во всех смыслах этого слова), в общем, вели себя, как дуры. Притом брал он их умными, самостоятельными и деликатными, но почему-то все потом портились, удивительное дело. Польша рядом с ним продержалась дольше прочих, несколько месяцев было вообще отлично, они много смеялись с той самой первой встречи, когда увидели друг друга в переполненном вагоне. Он недолго её рассматривал через проход, встал, подошёл к женщине, сидевшей напротив Польша, с минуту что-то пошептал на ухо и та вдруг расцвела, закивала и поднялась. Он уступил ей своё место у окна, а сам устроился с краю, посмотрел на Польша и сказал:

– Вот так в вашей жизни появился Нико.

Не поспоришь, появился и задержался на пару лет. Начиналось всё чудесно, раз в две недели Польша с утра ехала к маме, проводила с ней несколько часов, а

потом садила на автобус до Ногинска и уже через двадцать минут оказывалась в старой хрущёвской пятиэтажке, в запущенной квартире, в постели, в объятиях. Нико, несмотря на свои почти сорок, проведённые в небрежении здоровьем и здравым смыслом, был хорошим любовником. А ещё он весёлый, умный и умел не пить, когда ждал женщину. К приезду Поль прибирал в доме, который становился почти уютным – ортопедический матрас на полу возле окна, зеркало напротив, компьютерный стол, в углу большое кресло, торшер, книжные полки. Была ещё вторая комната, куда Поль не ходила – она подозревала, что во время уборки он стаскивает туда одежду и всякие мелочи, обычно разбросанные повсюду, а после ухода Поль бардак опять расплзается по квартире. Нынешняя бедность его жилища причудливо сочеталась с остатками былого благополучия, Нико привык к дорогим вещам, предпочитая иметь быстрый лёгкий ноутбук, планшет и большой смартфон, зато питаться макаронами, довольствоваться двумя парами джинсов и пятью заношенными майками. Он строил несложные сайты и жил от заказа до заказа, но постоянно намекал на большие бизнесы, бывшие у него в начале нулевых, отчасти нелегальные, которые принесли ему эту квартиру, несколько шрамов и манеру всегда садиться лицом к двери.

Иногда Поль оставалась у него на несколько дней и тогда он готовил для неё жареную картошку, водил гулять в парк, показывал по вечерам свои любимые фильмы, а ночью трахал так, что она оставалась довольна. Потом уезжала, а через неделю он являлся к ней в Москву, и тогда она становилась хозяйшкой и развлекала его, как умела. Обедали обычно в кафешках, Поль старалась за обоих платить сама, ведь он бы один туда не пошёл, ему дорого. Он из гордости не заказывал слишком много, но Поль хитрила, брала себе по два блюда, клевала чуть-чуть, остальное отдавала ему. Мужское самолюбие слишком хрупкое и напрямую связано с потенцией, это она знала и до Нико, но с ним убедились на практике.

...В ту весну она всё думала: надо будет сказать, что я его люблю. Но никак не могла выбрать подходящий случай. Это бессмысленно делать в постели, там фразы ничего не стоят, после мелких ссор прозвучит жалко, во время романтических пауз при свечах – банально, а при расставании в словах нет никакого веса – на вокзале, например, чего ни ляпни, понятно, что от нервов. Иногда собиралась нашептывать на ухо, пока он спит, но хотелось бы обойтись без киношной дешёвки. Правильно было говорить, когда чувствовала – стоя в дребезжащем автобусе, пока рассматривала медленные улицы, вытянув шею и положив подбородок на его плечо, как это делают лошади и все маленькие влюблённые женщины. За завтраком, хотя у обоих хмурые помятые физиономии,

в магазинной очереди в кассу. И ещё в машине, ночью, когда они ждали случайного человека, и у Поль поднялась температура под тридцать девять: жизнь могла вести себя как угодно – приостановиться, закончиться совсем или пойти в любом ритме и направлении, – потому что время вовсе перестало быть и Поль перестала быть, чуя только свой левый бок, которым привалилась к нему, и половину головы, и плечи (на них лежала его рука), а всё остальное онемело от озноба и жара. Она смотрела на отблески фар, пробежавших по нему, по ней, по ворсистым чехлам сидений, и думала, что вот подходящий момент, но сил же никаких нет.

Каждый раз собиралась, но потом просто улыбалась. Она очень много улыбалась ему в ту весну.

«Как только скажу, всё кончится, – думала Поль. – Он получит очередную звёздочку на фюзеляж, а она очередное “не ври”».

Мужчины никогда ей не верят. Они не верят, пока Поль молчит, но у неё сохраняется иллюзия, что если сказать, всё сразу изменится: рука отпустит горло, камень свалится с печени, она отдаст ответственность и освободится – я люблю, а ты уж делай с этим что-нибудь. Магия, которая так прекрасно действовала на неё, должна бы работать и с ними, но не работала. Чужая любовь опутывала её с головы до ног, а из своей она не умела сплести ни силка, ни фенечки.

Раз за разом этот трюк проваливался: Поль протягивала подарок, а они смотрели с некоторым недоумением, как на кусок тёплого кровавого мяса, и приходилось небрежным жестом прятать его куда-то, делая вид, что это всё случайно.

Она уже точно знала, что нельзя.

Но в ту весну всё-таки проговорилась, вдруг, после котлеты в маленькой забегаловке – там, кажется, безопасно было бы передать миллион баксов в бронированном чемоданчике, а не то что пойти помыть руки, по дороге потрогать его спину и сказать: «Я тебя люблю», что-то там добавить от неловкости: «придурок» или «балбес», и тут же уйти, не ожидая ответа. Хотя понятно, кто тут был балбес – с этой минуты история начала сминаться и комкаться, как салфетка, и к осени оказалась испорчена так, что только выбросить.

Всё ухудшалось незаметно и по пустякам. Нико наблюдал за ней на фейсбуке, иногда задавал вопросы: кого это ты лайкнула, почему поделилась постом того мужика, кто это у тебя в комментариях такой дерзкий? Однажды вступил в диалог с сетевой знакомой Поль, попытался снисходительно поучать, а та сначала пококетичила немного, заставила распухнуть хвост, а потом жёстко и обидно поставила на место. Поль наблюдала скандал в прямом эфире, лёжа в его постели, и когда увидела, что Нико всерьёз разозлился, написала примиряющий комментарий, но было поздно.

- Знаешь, когда моего друга поливают грязью, - сказал Нико, - я должен сделать выбор. Или я на его стороне, или он мне в хрен не упирался.

- Конечно я на твоей стороне, ты чего?

- Тогда отфрендил эту тётку.

- Что?

- Убери из друзей, или я, или она, что непонятно?

- Чувак, ты взрослый мужик, приди в себя, ты пытаешься втянуть меня в разборки с женщиной, ну ты что, Нико, серьёзно?

Она ещё надеялась, что он рассмеётся, но Нико помолчал, его лицо окончательно замкнулось, а губы поджалась, как у капризного старика.

- Тогда боюсь, между нами всё кончено.

- Я могу подумать до завтра?

- Сейчас.

Голая Поль вылезла из постели, сжала виски и попыталась сосредоточиться. Так, второй час ночи, одеться, уйти, взять такси до мамы. Но что ей сказать? Она думала, что Поль, уехавшая от неё днём, сейчас в Москве, да и вообще мама наверняка спит, а ключи, как назло, остались в другой сумке. Электрички в

Москву уже не ходят. Остаться спать в кресле и уйти с утра? Да, вероятнее всего. Поль закружилась по комнате, собирая с пола свои вещи, а Нико, осознав, что сцен не будет, сменил тактику. Поймал Поль, прижал к себе покрепче и, покачивая на груди, как большую куклу, зашептал в макушку:

– Не хочу тебя терять, радость моя, не позволяй тупой бабе сломать нам всё, ну! Давай, выбери меня, птица счастья, возьми телефончик и нажми на кнопочку, – он уже смеялся, но не желал превратить спор в шутку, а Поль согревалась в его объятиях и чувствовала, что не может вот так уйти. Это же её мужчина, пусть и дурачок, но её, они на одной стороне. Взяла телефон и написала длинное извинительное сообщение той женщине, а потом нажала на кнопку «отфрендить».

– Всё.

Нико, будто и не было ничего, поднял её на руки и унёс в постель.

Потом, когда Поль уснула, встал и проверил её аккаунт в фейсбуке: да, действительно, не в друзьях они больше. Молодец, послушная.

Потом этот случай жёг её стыдом более, чем прочие совершенные ради Нико глупости. Прогнула, в ночь уходить не захотела. Но тогда казалось, кто-то из двоих должен быть взрослым, не испортить всё из-за ерунды. У них же любовь.

Правда, не очень понятно, с чего она это взяла – в тот раз, весной, Нико ей ничего не ответил.

Уверенность в его любви исчезла совсем скоро, притом повод был неочевидный: Нико предложил съехаться. В промежутках между свиданиями они каждый день разговаривали по скайпу, но постепенно расставания стали тяготить обоих. В квартире Поль без него тускнели лампы, свет угасал, тихо было и грустно. Оно, может, и хорошо. Поль любила покой и тишину, но казалось, её ссадили с карусели, счастливые люди дальше понеслись, а она осталась за оградкой, как безбилетница. А у Нико в доме без неё становилось пусто, пустее обычного, будто она не только уходила, но и уносила с собой что-то его, личное. Так что однажды созвонились вечером, и Нико сказал небрежно, как и всегда, когда надумал нечто важное:

- Может, переедешь ко мне?

Поль, конечно, ждала этого предложения, чего уж кривляться. Она жила на съёмной квартире, а у него была своя, хоть и в жопе мира, но вдвоём это нестрашно. Когда ты не в поиске – отношений, работы, успеха, – жить можно где угодно. А в столицу наезжала бы по делам время от времени, да и к маме поближе. Пока она соображала, Нико заметно напрягся, не привык он, чтобы женщины раздумывали так долго, и на всякий случай сдал назад:

- Хотя идея дурацкая, вдруг перегрызёмся на одной территории.

- Нет, почему же, это же здорово, я просто прикидываю по срокам – аренда у меня шестнадцатого истекает, но предупредить надо за месяц и в порядок тут всё привести...

Он уже слегка пожалел, что начал этот разговор, а тут ещё Поль добавила:

- Тогда, наверное, на той неделе нам надо будет к маме заехать?

- Ээээ... А это ещё зачем?

- Как же, барин, вы же меня вроде как замуж зовёте, без маменькиного благословения нельзя. У вас товар, у нас купец, у вас куничка, у нас охотник...

- Не-не-не, замуж я не звал, вот не надо! Блин, рта не открой, уже женатый. – Он смеялся, но и в самом деле почувствовал нарастающее раздражение. И так выкрутила его, да ещё и дальше прогибает.

- Замуж, миленький, я за тебя и не собиралась, – Поль стало слегка обидно. – Я слишком молода для этого, а ты, увы, не мальчик.

(Нико был моложе неё на несколько лет, и они постоянно шутили, что он стареет, а она и не собирается, молода, как вампирша.)

- Но надо же маму оповестить, радость-то какая, остепенилась, переезжаю к мужику. Было бы вежливо.

- Ты и оповести, без меня.

- А чего, старушку испугался? Она тихая стала на восьмом десятке, не съест.

- Да понимаешь... - Он поискал слова, но махнул рукой и сказал как есть, не щадя: - Так-то взяла чемодан и переехала ко мне, не понравилось - разбежимся. А если я к маме приду тебя забирать, то вроде как обязательства взял, должен жить. А я не хочу обязательства. Ты ведь...

Он замялся и Поль стоило большого труда сохранить доброжелательную улыбку. Она желала дослушать до конца.

- Ты не та женщина, с которой я уверен, что всю жизнь проживу. Знаешь, бывает, что увидел и понял - она. Не, пойми правильно, мы, может, и проживём, мне с тобой хорошо очень. Но не могу гарантировать, что не встречу ту самую, единственную. Вот так увижу её и пойму, и уже не смогу, соберу вещи и уйду.

- Из своего дома-то вряд ли.

- Ну, в смысле...

- Да, я понимаю. Соберёшь мои вещи, и я уйду. Спасибо, нет, этот сценарий мне не подойдёт.

- Вот видишь, я же предупреждал.

- Так вроде как ты мне предложил, не я тебе.

- Да, но ты этого ждала!

- Котик... - Когда Поль приходила в ярость, она говорила особенно ласковым змеиным голосом. - Давай закончим на этом. Ты предложил, я отказалась. Забыли.

- То есть ты отказываешься? Ну ок. - Против всякой логики Нико почувствовал себя оскорблённым. Ишь ты, спелый сорокалетний персик не счёл его завидной партией. Ну-ну.

Постепенно к череде его претензий добавилась и вовсе странная, с которой Польша, тем не менее, не знала, как справиться. Он читал её публикации на женских сайтах, и в первое время это был повод для гордости – ого, у моей девочки пятьдесят тысяч просмотров! Нико был трогательно тщеславен, представлял её знакомым, явственно выделяя большие буквы: «Польша, Известная Писательница и Журналистка» и бывал недоволен, когда она уточняла, что пишет всего лишь книжки для девочек и колонки. Но со временем прелесть новизны прошла, и её известность, пусть и ограниченная, стала его раздражать. Теперь он изучал её тексты под лупой и неизменно находил что-нибудь оскорбительное для себя. Написала колонку про нищих юных любовников? Я, значит, ей не пара. О стареющих любовниках? Я, стало быть, уже плох в постели?

– Слушай, а зачем ты меня позоришь? – нарочито спокойным тоном начинал он. – Многие же в курсе, что у нас отношения, а ты меня импотентом выставила. Никто, конечно, не поверит, но враги ухватятся.

Слово «враги» он так выделял голосом, что было ясно – где-то за кадром идёт опасная жизнь, на него охотятся бандиты, спецслужбы и завистники, а глупая баба его подставляет.

– Котик, определись уже, в прошлой раз ты был в роли юного любовника, теперь старого, выбери что-нибудь одно, и я начну оправдываться.

– Знаешь, я боюсь, что не смогу больше с тобой. Я тебе доверял, подпустил близко, а ты цапнула, как крыса маленькая...

Первые несколько раз Польша окатывал жар от стыда и ужаса: боже, обидела его и как теперь объяснить очевидное, что описывает человеческие истории вообще, а не своих бывших и нынешних? Она огорчалась, принималась извиняться и доказывать. Но однажды уловила в глазах Нико плохо скрытое жадное ожидание, пожала плечами и отключила скайп. Он потом писал, приезжал, они мирились, но осенью всё разладилось настолько, что у них закончился секс.

Польша не умела спать с мужчинами, которые её обижают, а он – с женщинами, которые его злят. Она чувствовала себя не ежом даже, а куском колючей

проволаки, настолько он об неё ранился. Всего лишь захотела склониться к его плечу, а у него уже дыра в куртке и кровь сквозь рубашку. Каждая шутка, фраза о прошлом, колонка, разговор о другом мужчине или болтовня в комментариях порождали его гнев. И, нет, это была не ревность, а мнительность, агрессивное выслеживание в ней врага. А она страшно обижалась: как, как так можно, сказала же ему тогда, после котлеты, раскрыла карты, сдала бастионы, подставила и мягкий животик, и голую спинку, а он, а он... А он, кажется, оскорблялся одним фактом её существования, её способом дышать, жить и улыбаться, зарабатывать деньги и тратить их. Запретил ездить в Тель-Авив: «Ты, конечно, можешь, но не надейся, что я буду тебя ждать и приму после твоего еврейчика». – «Господи, какого еврейчика?!» – «Тебе виднее. Думаешь, я поверю, что ты там по месяцу одна гуляешь?» Конечно, они перестали спать, ну а как: ему – трахать «колючку», разрывая член в кровь, а ей – ложиться в постель с тем, кто тебе не доверяет? «Ты этой пакостью (колонкой очередной) уязвила меня как мужчину, и я больше не считаю тебя женщиной. Прости, не могу».

К октябрю Польша осознала, что, в общем-то, свободна. Нико удалился во Владимирскую область, на дачу, доставшуюся от родителей, и время от времени звонил.

– Тут рядом деревня Сима, есть река Сима, продуктовый магазин и кафе...

– Тоже Сима? Было бы последовательно.

– Ннет. Кафе «Ключ».

– Это из книжки: «Мой друг называл всю свою живность одинаково, его кота звали Марвел, его рыбку звали Марвел, его цветок звали Марвел. Позже кот оказался кошкой и родил пять маленьких марвелов».

– Смешно.

– Я это... Я пошла тогда, наверное. Раз такое дело. Чего теперь. – В самых важных разговорах словарный запас Польша становился, как у собаки.

– Да? Я буду скучать. И не приедешь попрощаться?

– А можно?

– Один друг на выходные в эту сторону собрался, может забрать, а потом я тебя вывезу.

Неизвестно, за каким грехом его друг ехал «в эту сторону», потому что без разговоров высадил её возле одинокого дома, развернулся и свалил. Мужская дружба похожа на кошачий клуб, когда самцы собираются вместе и молча греются на солнце, внешне никак не общаясь. Сходишься с кем-то, отношения развиваются или портятся, всё вроде бы только между вами двумя, но время от времени замечаешь вокруг молчаливых мужчин, которые «имеют мнение». Один, оказывается, тебя терпеть не может, и старается не здороваться при встрече; у второго вдруг обнаруживает эротический интерес. Но сообщает он о нём не раньше, чем после вашего расставания с другом. У всех остальных также множество мыслей насчёт тебя, но угадать, какого рода невозможно. То ли дело женщины, выкладывающие всё с первой секунды: «этот твой мне не нравится, а того дай поносить, как надоест», – и до последней комментирующие процесс, не стесняясь.

Так вот, этот друг, видимо, был из разряда тех, что считали Поль сукой, которая мучит хорошего парня, поэтому сработал таксистом и умчался. А она была просто женщиной, чья любовь оказалась избыточной и с ней предстояло что-то сделать.

О, она прекрасно умела обращаться с ненужной любовью: обезболить, отсечь, прижечь рану, выпить кодеиносодержащего и к весне проснуться пустой и лёгкой. Но сначала Поль хотела её прожить, хотя бы в течение одной короткой бесплодной недели.

И потому каждый день они выходили и гуляли до изнеможения. Летом в округе горели торфяники, и поля остались чёрными, снег ещё не выпал, они бродили по выжженной земле, спотыкаясь о кочки. Было легко представить, что они затерялись и могут не дойти, упасть, давясь леденеющим воздухом, погибнуть от усталости и голода. Когда же надоедало играть в бродяг, поворачивались на сто восемьдесят градусов и шли домой. Удобно, когда пафос и лишения можно тщательно дозировать.

Дома разогревали красное вино и разговаривали о чём угодно, избегая темы «наших отношений» – не обсуждали, что с ними происходит и как это закончится. Лишь в первый вечер он спросил, зачем приехала, а Польша пообещала ответить накануне отъезда. Да ещё по ночам, каждый раз перед самым сном, – целомудренным, как и было решено, – она приподнималась на локтях, смотрела на него в темноте и говорила: «Я тебя люблю», а потом отворачивалась к стене, не оставляя паузы для ответа, и засыпала.

Пока всё было хорошо, она этого не смела. Нет ничего глупей, когда говорят «я тебя люблю», а ты не можешь ответить «и я». Что тогда – спасибо? Извини? А я – нет? Не могла же она ставить хорошего человека в неловкое положение.

И ещё она знала, как одиноко бывает с любящим. Когда влюблён сам, жизнь наполнена, ты отдаёшь её каждую минуту и совершенно счастлив. Но если ты – холодный реципиент, невозможно забыть, что у тебя на руках уязвимый обескровленный донор, которого легко задеть случайным словом. Он в зоне твоей ответственности, со всем своим пылом и безмозглой щедростью, с ним нельзя говорить о множестве вещей, например, о прошлом, где остались более любимые люди, и о будущем, в котором нет места для него. Только законченный эгоист может купаться в чужой любви, не угрызаясь совестью.

От всего этого Польша берегла его прежде, но сейчас разрешила себе.

И потому перед отъездом, когда Нико снова спросил: «Так зачем всё же ты приезжала?», она ответила:

– Чтобы каждую ночь перед сном говорить: «Я тебя люблю». Вечно у меня не получается жить с любимым мужчиной, и некому сказать этого по-честному. Хотела узнать, как оно бывает.

Это, как водится, было частью правды. Если у человека хватит духа принять твою безответную любовь, ничем её не подкрепляя, ни обещаниями, ни сексом, но просто позволить её проявлять, то любовь постепенно начнёт убывать, и есть шанс освободиться. Она тогда не портится, не ранит, а просто впитывается в сухой песок или горелую землю и никак не восполняется.

Другое дело, это почти невозможно: принимающий редко когда не эгоистичен настолько, чтобы не подпитывать дающего хотя бы намёком; а донор обычно не столь светел, чтобы всё отдать и уйти без гнева и надежды. Ведь проявлять нужно не обиды – их-то можно слить куда угодно, – а именно любовь, которая есть у тебя для этого конкретного человека, сделанная по его мерке, её потом никому другому не передаришь, она будет только гнить и отравлять. Пожалуй, именно напоследок она совершенно бескорыстна – потому что безнадежна. В идеале, гранатовый браслет следует вручать без горечи, а принимать без чувства вины, будто привозишь человека к морю, в последний раз. А точнее, море к человеку.

И они каждый вечер выходили к морю её любви и каждый вечер Польша замечала, как оно убывает. Вот только они стояли у великой несбыточной воды, захлёстывающей Польшу с головой, а его всего лишь по грудь, и у неё по лицу солёные капли градом. А вот она говорит ему своё: «Я люблю тебя» как хорошему любовнику – страстно и с лёгкой насмешкой над собой, эго меня угораздило. А следующей ночью – как мужу, которому предана и каторжно привязана общим прошлым и благодарностью. Потом как брату, с которым что бы ни было, а кровь одна. А дальше – чувак, я всегда на твоей стороне, мы же друзья, люблю тебя, ну ты чо? После, как пишут в комментариях фейсбучным френдам: «Люблю вас нежно, вы прекрасны». А в последнюю ночь она его обманула, потому что уже не любила. Сердце выжато до капли, песок остался сухим, да, миленький, ты был прав – я всё тебе наврала.

А потом умерла мама.

Она помнила то утро поминутно: когда позвонила пожилая соседка и сказала, что Светка уж полчаса не открывает, и Польша досадливо сморщилась. Ну спит, не слышит, а то и не хочет, надоела ей, может, старуха со своей болтовнёй. Подумаешь, на рынок собирались, а теперь нет настроения, и отказать по своей виктимной привычке не может, вот и слилась. Польша набрала мамин номер, долго слушала длинные гудки, зажав трубку плечом, и думала «опять, наверное, звонок отключила», а сама тем временем лезла в шкаф, доставала одежду, натягивала штаны, прятала в сумку планшет, собираясь по дороге дописать колонку, искала ключи. Отложила телефон только для того, чтобы надеть куртку, а потом снова звонила и звонила до самого метро, и дальше, на вокзале, в электричке, в автобусе, возле дома. Казалось, пока длятся эти бесконечные гудки, мама удерживается за них, не сваливается в тёмную бездонную яму,

откуда её уже не достать.

Звонила и у двери, и когда открывала замок, молясь, чтобы он не был заперт на предохранитель. И он не был, Поль вошла, сразу увидела маму и наконец-то выпустила телефон. Надо же, успела один сапог застегнуть, прежде чем упала. И тут же запричитала соседка, дом наполнился какими-то пожилыми женщинами, которые точно знали, что нужно делать, и в ближайшие два дня Поль осталось только кивать, подписывать бумаги, отдавать деньги и ехать туда, куда везли. Мама давно всем распорядилась, оставила внятные указания, и подружки её лучше Поль знали, где лежит «смертное» и конвертик с похоронными, где на кладбище Светкино место и в каком кафе делать поминки: понятно, в «Огоньке», там всех бабок из нашего дома провожают, недорого и можно водку свою.

Наступил момент, когда Поль осталась в пустом доме одна, села на незнакомую облезлую табуретку, почему-то стоящую посреди комнаты, и закрыла глаза. Пока сидишь тут, понимала Поль, не накроет. Она на острове, до которого волны горя почти не долетают, так, брызги. А сойди, тут же окатит с головой, и тогда уж придётся чувствовать всё. Вдруг пришло сообщение. «Как ты?» – спрашивал Нико. «Мама умерла», – ответила она. После паузы он спросил, когда. «Позавчера», – ответила она. «А чего не позвонила?» – спросил он. «Ты же не хотел знакомиться», – глупо ответила она. «Опять я подлец, да что ж такое...» – сказал он, и только после этого Поль отключила телефон, и горькая тёмная вода захлестнула её, хотя она и не вставала с табуретки.

Зато утром её разбудил долгий настёрный звонок в дверь, и когда она всё-таки открыла, на пороге стоял Нико с пакетом из «Пятёрочки». Он коротко обнял её и сразу прошёл на кухню, захлопал дверцами холодильника и шкафчиков, зажёл плиту и принялся готовить завтрак так, будто и раньше здесь сто раз бывал. «Он хоть и тупой временами, а друг хороший», – подумала Поль и пошла чистить зубы. Умыла опухшее лицо холодной водой, приняла горячий душ и пописала в ванну, вытерлась маминым полотенцем и намазала лицо каким-то из её жирных кремов, совершенно неподходящих для Поль. У мамы была тонкая сухая кожа, очень светлая и легко краснеющая, а у Поль бледная и толстая, зато мелкие морщины появятся нескоро, раньше обвиснет. Но крем неожиданно легко впитался, лицо посвежело и Поль подумала: вдруг теперь придётся пользоваться её вещами, носить её одежду и пить из её чашки, кто-то же

должен, раз мамы нет. Но на кухне Польша увидела, что из маминой чашки с ангелом пьёт чай Нико, а ей налил кофе в маленькую голубую кружку с белыми горошками.

Из-за этого их отношения продлились ещё на несколько месяцев, Польша не могла бросить человека, который был с ней в то утро. Они снова начали спать, примерно раз месяц, но всякая романтика для неё закончилась ещё осенью, Польша считала, что ей удалось соскочить с крючка, она освободилась и закрыла для себя этот роман красиво и без обиды. Если и дальше всё правильно сделать, есть шанс по-честному остаться друзьями.

Она теперь много времени проводила в маминой квартире, разбирая вещи. От хлопот с наследством мама её избавила давным-давно, переписав на неё всю недвижимость (громко сказано – двушку эту и дачу-развалюху), но Польша здесь давно не жила, и понятия не имела, что и где хранится. Осталось немного, мама выбрасывала всё, чем не пользовалась постоянно, всякие там флай-леди и мари кондо ей бы аплодировали. Раньше Польша радовалась, что маму миновало стариковское мшелоимство, но сейчас осознала, что у неё совсем нет семейного прошлого. Ни девичьих платьев из шестидесятых, ни любовных писем, ни бижутерии, даже фотографий толком нет, одно свадебное фото с купированным женихом. Очень счастливая взрослая мама, лишь чуть моложе, чем нынешняя Польша, прижимается к мужскому силуэту, криво вырезанному маникюрными ножницами. Эта дыра в карточке говорила больше, чем просто отсутствие следов отца в жизни Польша – не забыла, не простила, хотела бы вычеркнуть, да куда там.

Следы, впрочем, нашлись на даче, да такие, что разом изменили судьбу Польша.

Она поехала туда по весне, чтобы расконсервировать дом и поискать – не осталось ли где немного прошлого? И ей повезло, на чердаке в чемодане пряталась коробка с несколькими бумагами: свидетельством о рождении Ильи Исааковича Грейфана, еврея, сына Сары; свидетельства о браке и разводе и ещё одно, о рождении Польша, где она ещё значилась Грейфан. После его ухода мама поменяла дочери фамилию, о чём тоже имелся документ.

Польша уселась на пыльный пол и попыталась осознать, что у неё, оказывается, есть отец. Ещё раз перебрала бумажки – ух, старенький, он её, выходит, уже под

полтинник заделал. А туда же: всё равно сквозил и пропал. Правда, зная мамину ревнивую и непреклонную натуру, Поль подозревала, что она его выгнала самолично и по первому подозрению, но ведь не вернулся же, с дочкой больше не общался и алиментов не платил.

И всё же она захотела его найти, хоть издали поглядеть, если получится – оставаться круглой сиротой при живом отце обидно. Мама бы, конечно, не одобрила, но что делать, Поль вот не выбирала ничего не знать о папаше, так что один-один.

Данные нашлись в городском ЗАГСе и были печальны – всё-таки придётся быть сиротой. Грейфан И.И. умер через год после развода. Не по своей воле пропал, значит, но мама не смогла простить его и мёртвого, а, может, именно из-за этого злилась больше всего – теперь не высказать ему, паразиту, не оттолкнуть, когда приползёт обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мазаль – счастье, везение, судьба.

Купити: https://tellnovel.me/ketro_marta/rasseyannaya-zhizn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)